

Содержание

ПРОЛОГ
Первая птица
11

I
Фауст наоборот
31

II
“Рукописи не горят”
135

III
Год Зеро
193

IV
*Хочешь быть любимым –
попадешь в ловушку*
309

V

*“Так долго внизу, что низ
уже кажется верхом”*

385

VI

*Почему невозможно
сфотографировать пампасы*

460

VII

Полный грузовик дерьма

565

VIII

*Мистер Утро
и мистер День*

654

IX

*Его миллениаристская
иллюзия*

766

X

В отеле “Хэлсион”

829

ОТ АВТОРА

859

*Моим детям
Зафару и Милану,
их матерям
Клариссе и Элизабет
и всем,
кто помогал*

Прошлое – пролог. Что будет,
Вам совершать и мне.

Уильям Шекспир,
“Буря”¹

1 Перевод М. Кузмина. (Здесь и далее – *прим. перев.*)

ПРОЛОГ

Первая птица

Потом, когда вокруг него взрывался мир, когда гибельные черные дрозды облепляли каркас для лазанья на школьном дворе, он досадовал на себя, что забыл фамилию репортерши Би-би-си, которая сообщила ему, что старая его жизнь кончена и впереди новое, мрачное существование. Она позвонила ему домой и не стала объяснять, кто ей дал телефонный номер. “Каково вам, — спросила она, — узнать, что аятолла Хомейни только что приговорил вас к смерти?” Лондон, вторник, солнце — но вопрос заставил утренний свет померкнуть. Он ответил, не понимая толком, что говорит: “Приятного мало”. А подумалось: *я мертвец*. Он задался вопросом, сколько еще дней ему отпущено, и ответом, казалось, должно было послужить однозначное число. Он положил трубку и бросился из своего кабинета на первый этаж узкого дома в Излингтоне, стоявшего впритык к таким же узким домам. Окна гостиной закрывались деревянными ставнями, и он, хоть в этом не было никакого смысла, запахнул их и запер. Потом запер и входную дверь.

Был День святого Валентина, но с женой, американской писательницей Мэриан Уиггинс, отношения у него в последнее время разладились. Хотя с тех пор как они поженились,

прошел только год с небольшим, шесть дней назад она сказала ему, что несчастлива с ним, что ей “совсем не так хорошо, как раньше”, да и он понимал уже, что их брак — ошибка. Сейчас она смотрела, как он, гальванизированный новостью, словно весь под током, нервно мечется по дому, занавешивает окна, проверяет задвижки и шпингалеты, и ему пришлось объяснить ей, что происходит. Отреагировала она достойно — стала обсуждать с ним, как быть дальше. Использовала слово “мы”. Да, это было храбро.

К дому подкатила машина американского телеканала Си-би-эс. У него была договоренность, что он отправится к ним в студию в Найтсбридж, в Боуотер-Хаус, где в прямом эфире выступит в утренней программе, передаваемой через спутник.

— Я не могу это отменить, — сказал он жене. — Прямой эфир. Нельзя просто взять и отказаться.

Позднее в то утро в православной церкви на Москоу-роуд в Бэйсуотере должна была пройти служба в память его друга Брюса Чатвина¹. Меньше двух лет назад он отпраздновал с Брюсом его сорокалетие в его доме в Хомер-Энде, графство Оксфордшир. И вот Брюс умер от СПИДа, а теперь и в его дверь постучалась смерть.

— А с церковью как же? — спросила жена. Он не знал, что ответить. Отпер входную дверь, вышел, сел в машину и поехал, не придавая особого значения расставанию с жилищем, не зная, что вернется в этот дом, где обитал пять лет, только через три года, когда дом уже будет не его.

Дети в школьном классе в Бodega-Бэй, штат Калифорния, поют печальную бессмысленную песенку. Раз в год она в руки брала расческу, шуршики-пуршики, мо-мо-мо. За окнами школы дует холодный ветер. Прилетает один черный дрозд и усажива-

¹ Брюс Чатвин (1940–1989) — английский писатель.

ется на каркас для лазанья на пришкольной площадке. Песенка детей движется по кругу. Она начинается, но конца не имеет. Повторяется и повторяется. Взьерошит, пригладит, уронит слёзку, шуршики-пуршики, хей-бомбуршики, кричики-крячики, переворачики, тренчики-брэнчики, мо-мо-мо. Вот уже четыре черных дрозда на каркасе, к ним летит пятый. Дети в школе поют и поют. Сотни черных дроздов облепили каркас, а в небе их тысячи – казнь египетская. Песня началась, а конца ей не будет.

Когда на каркас опускается первая птица, она кажется чем-то единичным, частным, особенным. И нет как будто необходимости выводить из ее присутствия общую теорию, включать ее в некую широкую картину. Позднее, когда начинается бедствие, казнь, легко увидеть в этой первой птице предвестье. Но сейчас, когда она только села на каркас, это всего-навсего одна птица.

В последующие годы он будет видеть эту сцену во сне, понимая, что его история – своего рода пролог, повесть о том, как прилетела первая птица. Поначалу это касается только его – единичный, частный, особенный сюжет. Из которого никому не хочется делать далеко идущих выводов. Двенадцать с лишним лет пройдет, прежде чем эта история заполонит собой небо, подобно архангелу Джабраилу, возвышающемуся над горизонтом, подобно двум самолетам, врезающимся в два высоких здания, подобно казни птицами в великом фильме Альфреда Хичкока¹.

В Си-би-эс он почувствовал себя новостью дня. Люди в отделе новостей и те, кто вещал с разнообразных мониторов, уже произносили слово, которое вскоре повиснет у него на шее как жернов. Они произносили его так, словно оно было синонимом “смертного приговора”, и ему хотелось возражать, педантично втолковывать им, что оно имеет дру-

¹ Имеется в виду фильм “Птицы” (1963).

гой смысл. Но с этого дня для большинства людей на земле оно будет иметь ровно такой смысл, и никакого другого. И для него в том числе.

Фетва.

“Я извещаю неустрашимых мусульман всего мира, что автор книги “Шайтанские аяты”, направленной против ислама, Пророка и Корана, а также все, кто, зная ее содержание, был причастен к ее публикации, приговариваются к смерти. Призываю мусульман казнить их, где бы они их ни обнаружили”. Когда его вели в студию на интервью, кто-то дал ему распечатанный текст. И опять его старому “я” хотелось спорить, на сей раз со словом “приговор”. Потому что это не был приговор, вынесенный тем или иным судом — судом, который он бы признавал или который имел бы над ним юрисдикцию. Это был указ, выпущенный жестоким умирающим стариком. И в то же время он понимал, что привычки его старого “я” больше не имеют значения. Он уже был другим человеком. Он был человеком в глазу бури, уже не тем *Салманом*, какого знали его друзья, а *Рушди*, автором книги, которую, исказив название, превратили в книгу “Шайтанских аятов”. Он написал роман “Шайтанские аяты”¹, но выходило, будто он — автор неких аятов, продиктованных ему шайтаном, он был теперь “шайтан Рушди”, рогатое чудовище на плакатах в руках у демонстрантов на улицах далекого города, повешенный с красным вывалившимся языком на грубых карикатурах, которые они несли. *Повесить шайтана Рушди!* Как легко оказалось стереть прошлую жизнь человека и соорудить новую версию его личности, неодолимую, которую, кажется, не побороть!

1 В российских СМИ укоренился неверный перевод английского названия романа *The Satanic Verses*: “Сатанинские стихи”. В романе речь идет не о стихах как поэтических произведениях, а об аятах — мельчайших структурных единицах Корана (аналог аята в Библии называется стихом).

Король Карл I заявлял, что суд, вынесший ему смертный приговор, не имел над ним юрисдикции. Это не помешало Оливеру Кромвелю отрубить ему голову.

Он не был королем. Он был автором книги.

Он смотрел на журналистов, смотревших на него, и мелькнула мысль: не так ли разглядывают тех, кого ведут на виселицу, на электрический стул, на гильотину? Одного иностранного корреспондента, который, похоже, проникся к нему дружескими чувствами, он спросил, как ему отнестись к заявлению Хомейни. Насколько это серьезно? Пустая пропагандистская угроза или нечто по-настоящему опасное?

— Не придавайте большого значения, — сказал ему журналист. — Президента Соединенных Штатов Хомейни каждую пятницу приговаривает к смерти.

Во время телепередачи, когда его спросили о его реакции на угрозу, он сказал: “Знал бы — написал бы еще более острую книгу”. Он гордился этим ответом — и в тот день, и неизменно потом. Это была правда. Он не считал, что очень уж остро критикует в своей книге ислам, но, как он заявил тем утром по американскому телевидению, религия, чьи лидеры так себя ведут, вероятно, заслуживает некоторой критики.

После интервью ему сообщили, что звонила жена. Он перезвонил домой.

— Сюда не возвращайся, — сказала она ему. — Тут тебя поджидают сотни две журналистов.

— Я поеду в агентство, — сказал он. — Собери сумку, и встретимся там.

Его литературное агентство “Уайли, Эйткен и Стоун” располагалось в белом здании с лепниной на Ферншо-роуд в Челси. Журналистов снаружи не было: мировая пресса явно не предполагала, что в такой день он отправится к своему агенту, — но, когда он вошел, все телефоны в зда-

нии звонили, и все звонки были о нем. Гиллон Эйткен, его британский агент, уставился на него с изумлением. Гиллон разговаривал по телефону с британцем индийского происхождения Китом Вазом, депутатом парламента от Восточного Лестера. Он прикрыл трубку рукой и прошептал:

— Хочешь с ним поговорить?

По телефону Ваз тогда сказал, что случившееся “ужасает, просто ужасает”, и пообещал свою “полную поддержку”. А через несколько недель он был одним из главных ораторов на демонстрации против “Шайтанских аятов”, в которой участвовало более трех тысяч мусульман, и назвал это событие “одним из великих дней в истории ислама и Великобритании”.

Он обнаружил, что не в состоянии думать о будущем, что понятия не имеет, какие очертания теперь примет его жизнь, что не может строить планов. Он мог сосредоточиться только на ближайшем, а ближайшим была служба в память Брюса Чатвина. “Ну что, мой милый, — сказал ему Гиллон, — думаешь, тебе стоит ехать?”

Он принял решение. Брюс был его близким другом. “Стоит, не стоит — мне насрать, — сказал он. — Едем”.

Появилась Мэриан, глаза блестели слегка безумным блеском, ее вывела из равновесия атака фотографов, налетевших на нее, когда она вышла из дома 41 по Сент-Питерс-стрит. На следующий день этими глазами она будет смотреть с первых страниц всех газет страны. Одна из газет дала ее взгляду название, которое напечатала аршинными буквами: ЛИК СТРАХА. Она была немногословна. Он тоже. Сели в его черный “сааб”, и он повел машину через парк в Бэйс-уотер. Гиллон Эйткен с озабоченным лицом, сложив пополам свою длинную томную фигуру, ехал на заднем сиденье.

Его мать и самая младшая из сестер жили в Карачи. Что их теперь ждет? Средняя сестра, давно отколовшаяся

от семьи, жила в Беркли, штат Калифорния. Не опасно ли ей там будет? Самин, его сестра-погодок, жила с семьей в северном лондонском пригороде Уэмбли, недалеко от знаменитого стадиона. Как их защитить? Его сын Зафар, которому было девять лет и восемь месяцев, жил со своей матерью Клариссой в доме бо по Берма-роуд, около Грин-Лейнз и Клиссолд-Парка. Десятый день рождения Зафара казался в тот момент далеким-далеким. “Папа, — спросил его однажды Зафар, — почему ты не пишешь таких книжек, чтобы я мог их читать?” Это заставило его вспомнить строчку из *St. Judy’s Comet* — колыбельной песни Пола Саймона для его младшего сына. *Если я не могу моего малыша убаюкать — чего она стоит, вся моя популярность?* “Хороший вопрос, — ответил он Зафару. — Дай только окончить книгу, которую сейчас пишу, и тогда возьмусь за книгу для тебя. Договорились?” — “Договорились”. Книгу он окончил, она вышла в свет, но написать новую он вряд ли успеет. *Обещание, данное ребенку, нельзя нарушать*, подумалось ему, и его бурлящий мозг тут же сделал идиотскую добавку: *но смерть автора — случай особый.*

Мысль об убийстве была неотвязна.

Путешествуя пять лет назад с Брюсом Чатвином по “красному центру” Австралии, взяв в Алис-Спрингс на заметку граффити: СДАВАЙСЯ, БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, ТВОЙ ГОРОД ОКРУЖЕН, он с трудом поднимался на скалу Айерс-Рок, в то время как Брюс, гордый своим недавним восхождением к базовому лагерю на Эвересте, бодро скакал вперед, словно по самому пологому из склонов, а местные проводники рассказывали про так называемое “дело о ребенке и динго”¹; в захудалом “Инланд-мотеле”, где они остановились, годом раньше тридцатипятилетний водитель-дальнобойщик Дуглас Крабб обиделся на бармена, отказавшегося

¹ Имеется в виду судебный процесс в Австралии в начале 1980-х: родителей Азари Чамберлен обвиняли в убийстве собственного ребенка, а они утверждали, что девочку утащила из туристского лагеря собака динго.